

Чарльз СТЕЙНВЕДЕЛ,
доктор философии,
профессор Университета северо-восточного Иллинойса
(Чикаго, США)

ПЛЕМЯ, СОСЛОВИЕ ИЛИ НАЦИОНАЛЬНОСТЬ? ИЗМЕНЕНИЯ В ХАРАКТЕРЕ БАШКИРСКОЙ ОБОСОБЛЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Распад Советского Союза и обретение бывшими союзными республиками статуса независимых национальных государств после 1991 г. поставили вопрос об истории империи и нациестроительства в центр научных дискуссий и исследовательской работы¹. Развитие теории национализма и настоятельная потребность в понимании происходящих на постсоветском пространстве процессов оказали существенное влияние на изучение истории Российской империи и СССР. Проблемы в исследовании советского периода породили наибольшее число научных дискуссий. Внимание ученых привлекло потрясающее развитие национальных языков, концепций и практик нациестроительства в данный период, наряду с попытками конструирования национального пространства с помощью депортации и заселения. Появились многочисленные серьезные работы, в которых анализировались эти проблемы². В отличие от историографии советского периода, в изучении Российской империи исследователи исходили из других оценок. Работы по имперскому периоду либо подчеркивали усилия государства, направленные на развитие русской национальности и подавление других национальностей, либо отмечали сравнительную индифферентность государственной политики в отношении дискурса национализма и национальности³. Отчасти в

---

¹ Обзор новейшей литературы по указанным проблемам имперского периода см. в: *Suny R. G. The Empire Strikes Out: Imperial Russia, «National Identity», and Theories of Empire // Ronald G. S. and Terry Martin (Eds.). A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin. Cambridge, 2001. Pp. 23-66.* Статья вышла в русском переводе несколько раньше: Рональд Суни. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // *Ab Imperio*. 2001. № 1-2. С. 9-72.

² Выделим несколько работ из числа наиболее важных: *Suny R. G. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993; Brubaker R. Nationalism and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: An Institutional Account // Theory and Society. 1994. Vol. 23. Pp. 47-78; Slezkine Yu. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. Summer 1994. Vol. 53, No. 2. Pp. 414-452; Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. Ithaca, 2001; Hirsch F. The Soviet Union as a Work-in-Progress: Ethnographers and the Category Nationality in the 1926, 1937, and 1939 Censuses // Slavic Review. 1997. Vol. 56. Pp. 251-278.*

³ Появилось несколько работ, которые являются исключением, в частности: *Slocum J. The Boundaries of National Identity: Religion, Language, and Nationality Politics in Late Imperial Russia / Ph. D. Dissertation; University of Chicago, 1993; Brower D. R. Islam and Ethnicity: Russian Colonial Policy in Turkestan // Brower D. R. and Lazzarini E. J. (Eds.). Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700-1917. Bloomington, 1997. Pp. 115-135; Steinwedel Ch. To Make a Difference: The Construction of a Category of Ethnicity in Late Imperial Russia // Kotsonis Ya. and Hoffman D. (Eds.). Russian Modernity: Politics, Practices, Knowledge. New York, 2000. Pp. 67-86, и его же: Making Social Groups, One Person at a Time: The Identification of Individuals by Estate, Religious Confession, and Ethnicity in Late Imperial Russia // Caplan J. and Torpey J. (Eds.). Document-*

силу сложившейся историографической ситуации, изучение истории национальностей и империи до и после 1917 г. остается разобщенным. Ученые описывают национальные проекты, развивавшиеся в Российской империи, и саму империю как несостоятельные, относя существо процесса нациестроительства к советскому периоду, что позволяет уделять данной проблеме в истории Российской империи поверхностное внимание или игнорировать ее.

Разумеется, у этого историографического разъединения процесса развития империи и нациестроительства есть вполне объяснимые причины. Очевидно, что 1917 г. ознаменовал существенный разрыв в отношении к империи и национальностям. «Этнофилия», столь характерная для советского периода, не имела аналогов до 1917 г.⁴ Необходимо отметить, что дореволюционной государственной политике не было присуще сознательное отношение к феноменам этничности и национальности, свойственное большевистскому режиму. В некоторых случаях царская администрация непреднамеренно способствовала этническому или национальному развитию, считая его меньшим злом, но при этом вовсе не стремилась подчинить собственную политику принципу национальности. Несмотря на это, имперский период заключал в себе нечто большее, чем просто попытку сохранить статус кво, провалившиеся опыты в деле развития русской нации или возникновение национальной интеллигенции у народов империи, действия которой были направлены на создание наций вопреки противодействию имперских властей. Институты, интеллектуальный климат и практики царского режима не были направлены исключительно на подавление национального, они также способствовали оформлению этнических и национальных идентичностей. Мы должны выяснить, что именно имперский режим позволял сделать, а что подавлял или запрещал. Вообще, нам необходимо расширить наши представления о том, каким образом конструируются нации и национальности. Работы Бенедикта Андерсона и Эрнеста Геллнера по праву сохраняют свое влияние на развитие историографии⁵. Однако приоритетное внимание, уделявшееся этими авторами печатной культуре, школам, этнографии, переписям населения, картографированию и музеям, не должно затмевать другие ключевые факторы формирования национальной идентичности, такие как сословное положение и связанные с ним права на землевладение и военную службу⁶.

---

ing Individual Identity: The Development of State Practices Since the French Revolution. Princeton, 2001. Pp. 67-82; *Holquist P.* To Count, to Extract, and to Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia // *Suny R. G. and Martin T.* (Eds.). A State of Nations. Pp. 111-144; *Sanborn J.* Family, Fraternity, and Nation-Building in Russia, 1905-1925 // *Ibid.* Pp. 93-110. В монографии Юрия Слезкина о северных народах и работе Пола Верта о крещеных татарах исследуются способы, которыми имперская система конституировала культурные группы, а также рассматриваются последствия этих попыток после 1917 г., хотя сами работы не останавливаются подробно на теоретических аспектах проблемы национальности. См.: *Slezkine Yu.* Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca, 1994; *Werth P.* From «Pagan» Muslims to «Baptized» Communists: Religious Conversion and Ethnic Particularity in Russia's Eastern Provinces // *Comparative Studies in Society and History.* July 2000. Vol. 42, No. 3. Pp. 497-523.

⁴ *Slezkine Yu.* The Soviet Union as Communal Apartment. Pp. 414-415.

⁵ *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1991; *Gellner E.* Nations and Nationalism. Ithaca and London, 1983.

⁶ Дэн Шефер сходным образом отмечает, что башкиры отделяли себя от татар не столько на основе незначительных языковых отличий, сколько благодаря «кочевому прошлому, наличию истории сопротивления российским властям, общественных прав на землю и полуавтономной системы кантонов». См. его статью: *Schafer D. E.* Local Politics and the Birth of the Republic of Bashkortostan, 1919-1920 // *Suny R. G. and Martin T.* (Eds.). A State of Nations. Pp. 165-190.

История взаимодействия между башкирами, имперской государственностью и другими народами региона предоставляет богатый материал для изучения процесса формирования национальностей до 1917 г.⁷ Положение башкир можно охарактеризовать как маргинальное относительно основных социальных и культурных имперских категорий. С XVIII века народ, известный ныне как башкирский, считал сам себя (являясь таковым и во внешнем восприятии) племенем, сословной группой и национальностью. До 1917 г. практически все башкиры исповедовали ислам. Некоторые из них были оседлыми земледельцами, некоторые вели полукочевой образ жизни, другие же были кочевниками в полном смысле этого слова. В данной статье я анализирую историю башкир на протяжении последних трех столетий, чтобы показать, какие формы идентичности имперский режим допускал, а какие подавлял, и как этот расклад менялся с течением времени. Политика имперского центра по отношению к башкирам была направлена на обеспечение лояльности башкирского населения, поощрение перехода кочевых башкир к оседлому образу жизни, регулирование условий государственной службы башкирского населения. Проведенный мною анализ свидетельствует, что к 1917 г. данная политика, затрагивающая ключевые аспекты сословного статуса башкир, привела к созданию из них сплоченной социальной группы, связанной с определенной территорией. Изменения в сословном статусе башкир и их правах на землевладение после 1865 г. постепенно заставили имперскую администрацию воспринимать башкир как национальность. В то же время институты, возникшие после 1905 г., создали возможность для национальной мобилизации башкир и выдвижения требований от имени башкирского народа.

Перед тем, как перейти к доказательству своей гипотезы, я должен упомянуть два обстоятельства. Во-первых, анализ длительного периода истории в рамках короткой статьи неизбежно приводит к выстраиванию телеологического нарратива. По возможности я старался этого избегать. Я рассматриваю различные видения башкирской национальности в хронологическом порядке, но из этого не следует, что одни представления о башкирах последовательно сменяли и полностью замещали другие и этот процесс увенчался появлением национальной трактовки. На самом деле, различные концептуализации башкирской идентичности (и старые, и новые) аккумулировались в процессе развития: и те, и другие сосуществовали на различных уровнях самосознания и социальной практики. Это привело к тому, что все исторически существовавшие варианты башкирской идентичности сохранялись в актуализированном виде до начала XX века, хотя и

---

⁷ В Башкортостане историки оказались весьма восприимчивы к проблемам взаимодействия имперского государства с местным населением и его воздействием на этническую идентификацию последнего. См., в частности: *Якупов Р. И.* Тептяри: сословие или этнос? // *Этнос и его подразделения* / Под ред. *Р. Г. Кузеева* и *В. А. Тишкова*. М., 1992; *Бикбулатов Н. В.* Вопросы взаимодействия и сотрудничества народов Башкортостана в советскую эпоху // *Современные этнические процессы в Башкортостане* / Под ред. *В. Я. Бабенко*. Уфа, 1992; *Коростелев А. Д.* Динамика этнического состава сельского населения Башкортостана // *Конфликтная этничность и этнические конфликты* / Под ред. *Л. М. Дробижевой*. М., 1994; *Кузеев Р. Г.* Историко-этнографический взгляд на современную этнолингвистическую ситуацию в республике Башкортостан // *Язык и национализм в постсоветских республиках* / Под ред. *М. Н. Губогло*. М., 1994; *Габдрафиков И. М.* Этнокультурные результаты миграционных процессов в северо-западной Башкирии (конец XVI – начало XX в.) // *Этнографические исследования в Башкортостане* / Под ред. *И. М. Габдрафикова*. Уфа, 1994; *Юлдашбаев Б. Х.* Башкиры и Башкортостан: этностатистика. Уфа, 1995; *Роднов М. И.* Этнический состав населения Бирского уезда в конце XIX - начале XX века // *Страницы минувшего* / Под ред. *М. И. Роднова*. Уфа, 1995; *Он же.* Численность тюркского крестьянства Уфимской губернии в начале XX века // *Этнографическое обозрение*. 1996. № 6.

не все из них обладали одинаковой значимостью. Во-вторых, социально-историческое исследование большого масштаба, которое, прежде всего, затрагивает государственную политику, рискует лишить изучаемое население активной роли в формировании его собственных идентичностей. Однако я вовсе не стремлюсь к такому результату. Напротив, моя цель заключается в демонстрации совокупности возможностей, исходя из которых индивидуумы могли формировать собственную идентичность, а также в анализе тех обстоятельств, которые способствовали развитию одних форм идентификации в ущерб другим.

Очерчивание границ народа и территории (1557-1762 гг.)

В момент интенсификации отношений между башкирами, или «башкортами», и Московским государством в XVI веке башкиры представляли собой совокупность «племен» и «родов», а также «родовых подразделений», объединенных единой религией (исламом), языком (тюркским диалектом) и относительно общим кочевым или полукочевым укладом жизни⁸. Башкиры жили по большей части к югу, западу и востоку от южного окончания Уральских гор, в регионе, ландшафт которого характеризовался смешением леса, степи и гористой местности. Как показал Р. Г. Кузеев и другие исследователи, социальная организация башкир существенно варьировалась от места к месту, находясь в зависимости от демографических, генеалогических, политических и экономических факторов⁹. В целом, для башкир было характерно отсутствие постоянных и централизованных государственных институтов или ханской власти, которой подчинялись их соседи.

Начиная с 1557 г., когда некоторые из башкирских племенных вождей принесли клятву верности Ивану IV, формирование социальных структур башкирского населения проходило под существенным влиянием взаимодействия с Московским государством¹⁰. На протяжении двух веков после 1557 г. царская власть и ее представители добивались политической лояльности башкирских племен, для чего башкирам было официально предоставлено право владения племенной землей. Стремясь подчинить собственному контролю южные и восточные степные рубежи, московские правители проводили политику сталкивания степных племен между собой с тем, чтобы предотвратить формирование враждебных Московии союзов и обеспечить безопасность собственных границ со степью¹¹. Принеся клятву верности царю в 1557 г., башкиры добились от него грамоты, регулировавшей отношения между башкирскими племенами и Мос-

---

⁸ Анализ башкирской социальной организации представлен в работе: *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М., 1974. С. 42-87. Некоторые башкиры в северо-западной области расселения перешли к оседлому земледельческому укладу жизни еще в шестнадцатом столетии.

⁹ Там же. С. 69-70.

¹⁰ Согласно советской историографии, принесение клятвы верности было «добровольным». По всей видимости, оно не подразумевало длительного постоянного подчинения, каким его видели имперские чиновники. Те, кто изначально принес клятву верности, не представляли всех жителей региона. Давление как со стороны России, так и со стороны восточных недругов башкир, а также трудности, которые повлекли за собой неурожаи, вынудили башкирских старшин рассматривать союз с Россией как наиболее приемлемый выход из создавшейся ситуации.

¹¹ См. исследование, посвященное «степной дипломатии»: *Khodarkovsky M.* Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500-1800. Bloomington, 2002; и, в частности, о башкирах: *Donnelly A. S.* The Russian Conquest of Bashkiria, 1552-1740: A Case Study of Imperialism. New Haven, 1968.

ковским государством. Иван IV обязывался не посягать на религию башкир и предоставить им коллективные и наследственные права на их землю, которые были известны в русском законодательстве как вотчинные права, а в башкирском племенном укладе назывались «асаба»¹². Благодаря этому договору башкирская территория вошла в состав Российской империи на иных условиях, нежели Казанское ханство в 1552 г. или южные районы Средней Азии в 1860-х гг.

Соглашение между Московским государством и башкирскими племенами XVI века показывает, что российское государство было мало заинтересовано в изменении социального уклада башкир или их религиозной жизни. В XVIII веке некоторые миссионеры вели активную деятельность в данном регионе, но их попытки не стали систематической и бескомпромиссной атакой на ислам. В 1740-х гг. местная администрация делала все, чтобы предотвратить проведение миссионерской работы среди башкир¹³. Однако царские чиновники проявили мало уважения к пунктам соглашения, относящимся к праву на владение землей. Имперские власти нарушили его в нескольких случаях, связанных с постройкой крепостей и заводов и предоставлением земельных наделов тем, кто состоял на государственной службе. Вспыхивавшие на протяжении XVIII века восстания, вызванные конфискацией земли, показывают, насколько серьезно башкиры относились к праву владения племенной землей. Земельные потери башкирских племен были весьма существенными, однако сопротивление политике имперского центра предотвратило кардинальное изменение правового статуса башкирской земли. Следовавшие друг за другом царские указы подтвердили наследственное право башкир на племенные земли (1664, 1682, 1694, 1734, 1739, 1790 гг.).

На протяжении XVIII века наследственное право на землю и социально-демографические изменения способствовали развитию малых, привязанных к конкретной территории политических, социальных и экономических единиц. Численность башкирского племенного населения уменьшилась, как сократилось и количество земли, находящееся в распоряжении отдельного племени. Существовало несколько причин сокращения численности башкирских племен. Значительные людские потери, вызванные военными столкновениями в XVIII веке, особенно в 1730-х гг., ослабили социальную организацию башкир. Российская армия вынудила некоторые части башкирского населения мигрировать, что привело к утрате племенных связей. Миграция переселенцев в данный регион приводила к разъединению на части некогда единой территории, находившейся в распоряжении башкирских племен. Данные факторы изменили характер землевладения. Первоначально землей распоряжались и владели большие коллективы или племена; индивидуальное или семейное землевладение не было распростра-

---

¹² В конце XIX – начале XX столетия православная миссионерская деятельность была сосредоточена на народностях, исповедовавших анимистические верования. Столкновения с мусульманской *улемой* происходили, как правило, на волне успешного обращения этих народностей в ислам. К 1917 г. только несколько тысяч башкир приняли православие.

¹³ У самодержавия не было ни стремления, ни возможностей для проведения наступления на ислам среди башкир, подобного тому, какое было в Казани, всего несколько сотен миль западнее, после ее завоевания Иваном IV в 1552 г. Жесткое обращение с мусульманами в этом крае, как считал в 1747 г. губернатор Оренбурга Иван Неплюев, могло привести к всеобщему восстанию, перекрытию торговых путей, ведущих в Центральную Азию, и даже формированию союза степных кочевников с другими силами. См.: Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках (сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1961. С. 341. Двенадцать лет спустя А. Тевкелев и П. Рычков приводили сходные аргументы. См. Там же. С. 571-591. Эти документы цит. по: *Yaroshevsky D. B. Imperial Strategy in the Kirghiz Steppe in the Eighteenth Century // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1991. Bd. 39. Ht. 2. S. 221.*

нено. Башкиры не проявляли особого интереса к идее частной собственности в силу того, что они сравнительно легко перемещались по территории, находя новые пастбища или места для охоты. К концу XVIII столетия уменьшенная территория башкирского землевладения могла удовлетворить хозяйственные нужды только малых социальных единиц. Большие племена разбивались на более мелкие роды или даже родовые подразделения, которые наследовали право владения определенными участками земли. Совместное землевладение сплачивало башкирское население и вело к территориализации его социальной структуры¹⁴.

Право наследного владения землей, которое стало частью башкирской идентичности, позволило башкирам, обладавшим этим правом, сохранить чувство собственной обособленности. В рамках этой большой башкирской общности вотчинное право обеспечило сохранение родовой идентичности, связывая башкир друг с другом и с землей, находящейся в их владении. До начала XX века опись и демаркация башкирских земель производились на основе выданных башкирским родам грамот, давность которых исчислялась несколькими столетиями. Первые этнографические карты региона были составлены на основе материалов поземельных описей¹⁵. В культурном отношении роды не утратили своего значения. Башкирский революционер Заки Валиди Тоган в своих воспоминаниях, написанных в 1960-х гг., писал о двух башкирских родах, сохранившихся в его деревне, подробно останавливаясь на истории собственного рода – Суклыккай. Примечательно, что описание родов предшествует описанию собственной семьи и башкирского народа в целом. Хотя Тоган признался в ограниченности своих знаний об истории своего рода, тем не менее его мемуары подробно описывают такие события, как конфискация земель после восстания башкир в XVIII веке и поселение на этих землях крестьян¹⁶. Политика российского государства приводила к прикреплению башкирского населения к конкретной территории; эта связь стала фундаментом башкирской идентичности на несколько столетий.

Из кочевников в сословие: кантонная система управления (1762-1865 гг.)

Главным приоритетом в политике российского государства до падения царского режима являлось поддержание политической лояльности подданных. Владение собственной землей было важным элементом, определяющим статус башкир в социальной системе империи. Однако в ходе исторического процесса требования государства к своим поданным, в том числе и башкирам, стали выходить за рамки простой лояльности. В XVIII веке, и особенно после занятия Екатериной II престола в 1762 г., имперская администрация стала обращать внимание на то, как используется земля, принадлежащая башкирам. Под влиянием мерализма российская бюрократия стремилась создать «хорошо управляемое полицейское государство», которое должно было регулировать экономическую и социальную жизнь с целью достижения максимальной эксплуатации естествен-

---

¹⁴ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. С. 71.

¹⁵ В 1916 г. Сергей Руденко составил карту территориального распределения башкирских родов и родовых подразделений, основываясь на материале 1898 г., собранном комиссиями, проводившими опись земель: Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. С. 44.

¹⁶ Заки Валиди Тоган. Воспоминания: борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрок за национальное бытие и сохранение культуры. Уфа, 1994. Кн. I. С. 7-9.

ных и людских ресурсов и благосостояния населения¹⁷. Ключевым элементом этого подхода к управлению государством было создание более рациональной и производительной системы отношений между населением и землей. Кочевой или полукочевой быт занятых скотоводством башкир противоречил новым идеям государственной политики. Правительство считало, что использование сравнительно малым числом кочевников обширных участков плодородной земли не вело к максимальному росту благосостояния, а также не давало возможности правительству осуществлять свою цивилизаторскую миссию. Государственная политика была направлена на поощрение перехода башкир к оседлому земледелию, которое уже было распространено среди башкирского населения в северо-западных районах края¹⁸.

Задача достижения большей стабильности в Башкортостане стала еще очевидной после того, как восстание под предводительством Пугачева показало слабость контроля имперского центра над данной территорией. В 1773 г. разнородная группа крестьян, возглавляемая Емельяном Пугачевым, восстала против царской власти и низвергла имперскую администрацию на территории современного Башкортостана. В момент наибольшего успеха восстания только гарнизонные города Уфа и Оренбург остались подконтрольными правительству. К 1775 г. военным путем удалось восстановить порядок. Тем не менее, восстание Пугачева показало, что башкирские земли не имели устойчивой системы управления.

Реагируя на двойную задачу перевода башкир к оседлому образу жизни и сохранения порядка на степной границе, имперская администрация приступила к реформированию административных структур в регионе после 1775 г. В начале 1780-х гг. на эту территорию, остающуюся восточным пограничьем, были перенесены учреждения, созданные реформой местного управления в центральной России. В результате реформы в данном регионе увеличилось количество чиновников и появились высшие административные органы местной власти¹⁹. Новая региональная администрация обеспечивала трансформацию башкирского населения в военное сословие. С XVI века, когда башкирские племена принесли клятву верности московскому царю, российское государство подвергало башкир налоговым сборам и время от времени рекрутировало башкир под руководством старшин улуса (в русском эквиваленте – волости) для несения воинской службы²⁰. В XVIII веке эта волостная единица постепенно раскалывалась на более мелкие, которые назывались «тюбы» (или «команды»). Данная система отвечала интересам башкир, но не могла являться стабильной основой для отправления рекрутской и налоговой повинности, исполнения которой требовал от башкир

---

¹⁷ *Sunderland W.* Making the Empire: Colonists and Colonization in Russia, 1800-1850s. / Ph.D. Dissertation; Indiana University, 1997. Глава первая.

¹⁸ О политике государства в отношении кочевых народностей см.: *Raeff M.* The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600-1800. New Haven, 1983. Pp. 246-249; *Yaroshevski D. B.* The Nomads of the Russian Empire // *Cross A. G. and Smith G. S.* (Eds.). Literature, Lives, and Legality in Catherine's Russia. Nottingham, 1994. Pp. 15-24.

¹⁹ *LeDonne J. P.* The Territorial Reform of the Russian Empire, 1775-1796: II. The Borderlands, 1777-1796 // *Cahiers du Monde Russe et Sovietique.* 1983. Vol. 24, No. 4. Pp. 427-28.

²⁰ Русский термин «волость» и башкирский «улус», по всей видимости, имеют общие евразийские корни, поскольку оба обозначают группу людей, находящуюся под властью одного человека. Точную этимологию слов установить невозможно без проведения дополнительных исследований. Об использовании этих терминов см.: *Шакурова Ф. А.* Башкирская волость и община в середине XVIII – первой половине XX века. Уфа, 1992.

оренбургский генерал-губернатор барон Игельстром²¹. С целью систематизации несения башкирами воинской повинности и повышения боевых качеств рекрутов, Игельстром организовал кантонную систему управления. Первым шагом в организации этой системы был пересчет башкирских семей и их земельных владений и запись в юрты, соответственно их территориальному положению²². Вслед за этим Игельстром в 1798 г. организовал кантоны как промежуточное административное звено между уездом и башкирским тубом²³. Создание кантонной администрации потребовало привлечения новых чиновников в количестве более четырехсот человек, включая старшин и их помощников. Таким образом, данная реформа создала новые чиновнические места для многих башкир. Администрация кантонов имела поддержку со стороны имперской администрации, что давало ей значительную власть в отношении контроля за перемещением кантонного населения; эти полномочия, в свою очередь, позволяли фиксировать кочевое или полукочевое башкирское население в рамках территориальных единиц, соответствующих административным единицам европейской России²⁴. Кантонная администрация способствовала появлению социальной и административной организации башкир, являвшейся аналогом казачьего устройства, суть которого заключалась в несении воинской службы взамен податного бремени²⁵.²⁵ Таким образом, российское государство создало новую служилую башкирскую элиту, в ведении которой находился контроль за всем башкирским военным сословием. Кантонные подразделения подчинялись непосредственно оренбургскому генерал-губернатору и сохраняли обособленность от гражданской администрации города Уфы, в ведении которой находилось небашкирское население.

Заключительный этап реформы завершил переход от родовой к территориальной организации. Юрты включали в себя более крупные единицы, чем команды, организованные на основе родовых связей. Исключение составляли те

---

²¹ Самые богатые башкиры старались избегать службы, поэтому башкирские старшины, как правило, отправляли в армию солдат, не имеющих ни лошади, ни вооружения, ни провианта. См.: Полное собрание законов Российской империи (в дальнейшем – ПСЗРИ). Серия I. Т. XXV. № 18477 (10 апреля, 1798 г.). С. 189.

²² В его представлении юрты соответствовали в общеимперском масштабе уездам. Наиболее крупные юрты подлежали реформированию. См.: Шакурова Ф. А. Указ. соч. С. 70.

²³ Кантонный староста управлял 11 башкирскими кантонами и 5 кантонами мещеряков. Кантоны различались по количеству приписанных к ним жителей; число последних варьировалось в конкретном случае от 4.000 до 30.000, как и количество юрт в каждом кантоне: от 7 до 26: Шакурова Ф. А. Указ. соч. С. 70.

²⁴ Родовые формы организации продолжали существовать. См.: Шакурова Ф. А. Указ. соч. С. 71. Для передвижения по территории кантона башкирам требовалось разрешение от старшины юрты, а для перемещения по губернии нужна была санкция старшин кантона. Однако санкционирование выезда за пределы губернии уже не находилось в компетенции старшин. ПСЗРИ. Серия I. Т. XXV, № 18477 (10 апреля, 1798 г.). С. 193-194.

²⁵ Каждый год старшины юрт собирали информацию о количестве мужчин в возрасте от 20 до 50 лет. Один солдат рекрутировался в среднем от 4-5 дворов, в зависимости от необходимости. Игельстром потребовал, чтобы рекрутирование происходило «систематически, по очереди» и чтобы пополнение войска осуществлялось не только за счет самых бедных жителей деревень. Дворы, поставившие солдат для службы, были обязаны снабжать рекрутов лошадью, провиантом и вооружением. См.: ПСЗРИ. Серия I. Т. XXV, № 18477 (10 апреля 1798 г.). С. 191. Башкиры и мещеряки участвовали в имперских войнах и приграничных сражениях. 28 башкирских и два отряда мещеряков сражались с наполеоновскими войсками в 1812-1814 гг., многие солдаты из их состава были награждены за службу. См.: Асфандияров А. З. Введение кантонной системы управления в Башкирии // Из истории Башкирии (дореволюционный период). Уфа, 1968. С. 159, 163.

случаи, когда границы юрты пересекали границы уезда. С момента учреждения кантонов и до 1830-х гг. юрты претерпели дальнейшее дробление. С введением новых, более мелких юрт оборвались прежние связи с более древними единицами – уездом и тюбом. При этом была нарушена родовая основа организации волости и уезда, существовавшая до 1789 г., при которой волостные и уездные старшины, как правило, возглавляли представителей одного рода. Родовая основа сохранилась в системе владения землей, но управление населением и воинская повинность перешли на территориальный принцип. Главы новых кантонов были более ориентированы на государство, на службе у которого они состояли и которое являлось источником их полномочий, чем на социальные структуры башкирского населения. Разрыв родственных связей между башкирской элитой и основной массой башкирского населения сделал маловероятным организованное восстание башкир²⁶. Переселение на башкирские земли русскоязычных дворян и крепостных увеличило удельный вес оседлых крестьянских хозяйств в регионе, что, в свою очередь, внесло свой вклад в укрепление контроля центра над данным регионом. После восстания Пугачева в этом крае не произошло ни одного крупного восстания, которое представляло бы угрозу имперской администрации.

Законодательное оформление кантонной системы существенно усилило значение правового статуса башкир. Новые законодательные акты не содержали определения башкир по этничности или конфессиональной принадлежности. Вместе с тем необходимо отметить, что первоначальная связь, существовавшая между башкирскими родами и землей, находящейся в их владении, была построена на принципе кровного родства. Мусульманские мигранты, занимавшие земли к западу от башкирских земель (мишари), а также те группы населения, которые не входили в систему башкирских родов (тептяри), были объединены в самостоятельные кантоны, функции которых совпадали с башкирскими кантонами. Законодательные акты, регулировавшие положение башкир, основывались на посылке, что иммигранты, влившиеся в состав населения волости, также являются башкирами. Поэтому башкирское сословие не определялось по этническому принципу и отличалось культурной гетерогенностью: представители других этнических групп также входили в его состав. В документах того времени встречаются такие выражения, как «башкиры из черемисов» или «башкир из вотяков», что, по всей видимости, отражает наложение первоначальной этнической категории на сословную идентификацию²⁷.

Небашкирское население, оказавшееся на территории современного Башкортостана, называлось «припущенниками», т.е. буквально «впущенными на землю». Это население арендовало или покупало землю у башкир. Желание получить преимущества, связанные с башкирским сословным статусом, понуждало небашкирское население к вступлению в смешанные браки с башкирами или к выдаче дочерей за башкир, что в свою очередь, приводило к их интеграционной ассимиляции в башкирских общинах. Язык не являлся четким критерием для определения башкирской этничности. До начала XX века не существовало письменного башкирского языка, а сам он состоял из отличавшихся друг от друга диалектов. Татарский язык был языком административного делопроизводства в

---

²⁶ Шакурова Ф. А. Указ. соч. С. 76-77.

²⁷ Werth P. W. Tsarist Categories, Orthodox Intervention, and Islamic Conversion in a Pagan Udmurt Village, 1870s-1890s // Kugelgen A. von, Kemper M., Frank A. J. (Eds.). Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries. Vol. 2: Inter-Regional and Inter-Ethnic Relations. Berlin, 1998. Pp. 395-397.

регионе. Башкирские волости состояли преимущественно, но не исключительно, из мусульман. Законодательство позволяло башкирам, перешедшим в православие (хотя таковых было мало), оставаться в составе башкирской волости, а также допускало возможность того, что в составе башкирской общины могут находиться «язычники»²⁸.

Хотя юридический статус населения и его этнические, религиозные и культурные характеристики не совпадали, сословный принцип повлиял на консолидацию башкирской национальности. Имперская политика по отношению к башкирам была жесткой, а подчас и жестокой, особенно после 1557 г. Однако некоторые аспекты сословного статуса башкир делали его притягательным. Основной привилегией данного статуса было право на владение землей. Башкиры не подверглись закрепощению, в их собственности оставалось значительное количество земель, что отличало их от крестьян небашкирского происхождения на всем протяжении имперского периода. Право поставлять рекрутов для воинской службы взамен уплаты налогов также считалось более предпочтительным, особенно среди тех, кого воинская повинность миновала. Эти обстоятельства стимулировали заключение смешанных браков между башкирами и остальным населением. Даже после 1860-х гг. процедура вступления в состав башкирской волости регулировалась обычным правом, что позволяло общинам принимать новых членов небашкирского происхождения и распространять на них привилегию владения башкирской землей²⁹. С точки зрения имперской администрации, сословная категория «башкиры» подразумевала группу населения, состоявшую в особых исторических отношениях с государством и освобожденную от несения общегосударственных повинностей. В соответствии с этим представлением этническое определение данной группы населения и конституирование социальной общности в соответствии с этническим принципом не являлось приоритетным. С другой стороны, юридический статус оказывал влияние на систему этнических, религиозных и культурных связей внутри группы и способствовал формированию башкирской национальной общности.

Обособленность башкир и Великие реформы

К середине XIX века идеология империи вновь изменилась, а вместе с ней изменилось и восприятие имперской администрацией социального статуса башкир и их роли в политической системе государства. Начиная с 1860-х г. политика имперского центра заключалась в том, чтобы приблизить статус башкир к социальной норме, характерной для центральных районов империи. Изменение стратегического значения башкирских земель на степной границе в конце 1840-х гг. обусловило изменение в статусе башкирского населения. К этому времени казахские племена, которые занимали территорию к югу и юго-востоку от Башкирии,

---

²⁸ Положение о башкирах. Уфа, 1912. С. 12, 94. Иногда российские власти упрекали башкир в недостаточной религиозности. В 1845 г. старшинам кантонов было предписано издать распоряжение, требующее от каждого мусульманина выполнения его религиозных обязанностей в соответствии с мусульманским правом и обычаем. Представители власти также должны были контролировать регулярное посещение мечетей башкирами. ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 1965. Лл. 176, 177, цит по: *Werth P. Subjects for Empire*. P. 210.

²⁹ Когда в конце XIX века возник вопрос о том, могут ли мусульмане других национальностей или даже христиане поселяться на территории башкирских волостей, чиновники не смогли найти законодательной основы, запрещающей подобную практику. См.: Записка по вопросу о пересмотре действующих в отношении башкир узаконений. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1197. Лл. 42 об-43.

постепенно перестали быть серьезной угрозой российским интересам³⁰. Ко времени дальнейшего продвижения царской армии вглубь Средней Азии в 1860-х гг. исчезла потребность в военной службе башкир на Оренбургской линии³¹. Вместе с этим исчезла и стратегическая причина сохранения за башкирами статуса военного сословия. Однако изменения в сословном положении башкир были также обусловлены общими процессами, которые происходили в империи. В период Великих реформ самодержавие начало дополнять политическую культуру просвещения и министерское управление либеральными идеями об управлении государством, которые в то время воспринимались как признак европейскости³². Применительно к рассматриваемому нами вопросу особую важность приобретает тот факт, что Александр II и его бюрократы пытались с помощью реформы вовлечь в рудиментарные формы гражданской жизни всех подданных царя, которые считались готовыми к ней. Реформаторы уничтожили крепостное право, стимулировали участие подданных в общественной жизни, а также создали новые институты, такие как земство и городские думы, которые включали в себя представителей разных сословий. Участие в местном самоуправлении, в суде присяжных, а также всеобщая воинская повинность должны были повысить чувство общественной ответственности и стимулировать экономическую инициативу.

Реформирование социального положения башкир в 1860-х гг. отразило все вышеперечисленные изменения местных стратегических условий и имперской идеологии. Имперская администрация стремилась уменьшить изоляцию башкир, являвшуюся следствием их особого статуса как военного сословия, подчиненного военным властям. В то же время имперская политика была направлена на то, чтобы сделать статус башкир более близким статусу других социальных групп Европейской части России. Для достижения этой цели власти уменьшили (но не уничтожили совершенно) различия в статусе между рядовыми башкирами и крестьянами, а башкирскую элиту приблизили по статусу к дворянам³³. Местные власти, в особенности оренбургский генерал-губернатор Безак, поддерживали изменение башкирского сословного статуса. Они считали сохранение социальной изоляции башкир «неоправданным» ввиду стратегической ситуации на юго-восточном рубеже, а также по причине несовместимости данного статуса с политикой создания более эффективной и однородной системы управления³⁴. Безак полагал, что башкиры созрели для введения новой системы управления. В письмах начальству в 1865 г. Безак утверждал, что «степень зрелости башкир по восприятию новых гражданских начал управления и судопроизводства» дает надежду на успешное проведение реформы. Он также отмечал, что волостные суды успешнее функционируют в башкирской среде, нежели у других народностей.

---

³⁰ Хан Средней Орды был низложен в 1822 г., Малая Орда была завоевана в 1824 г., а Внутренняя Орда была подчинена Российской империи в 1845 г.

³¹ Kappeler A. The Russian Empire. Edinburgh, 2001. P. 187.

³² Wortman R. S. Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. P. 417.

³³ По мнению Грегори Фриза, главной целью Великих реформ (введения института земства и городских дум, реформирования системы налогообложения, военной реформы) была «максимизация ресурсов и эффективности, а не устранение изолированности и обособленности некоторых социальных групп». Действительно, сословные категории сохранили свою силу и после 1860-х гг. Однако, применяя термин «сословие» в отношении башкир, я бы не стал разделять две упомянутые выше установки. См.: Freeze G. The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // American Historical Review. February 1986. Vol. 91. No. 1. Pp. 11-36, и, в частности, Pp. 25-27.

³⁴ Лященко П. И. Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика. СПб., 1913. Ч. I.: Первоначальное наделение и осуществление крестьянской собственности. С. 160.

Уверенность генерал-губернатора в возможности реформы способствовала изданию императором Александром II нового Положения о башкирах в мае 1863 г. Согласно этому положению, «инородцы, известные как башкиры, мещеряки, тептяри и бобыли», получили гражданское устройство в качестве свободных сельских жителей³⁵. Положение указывало, что башкиры, а также мишари и тептяри и другие группы, организованные в кантоны, но имеющие меньшие земельные наделы, получают права, дарованные крестьянам реформой 1861 г. Данные права предоставляли возможность заключать сделки, приобретать собственность, создавать производственное или торговое дело, заниматься ремеслами, а также менять сословный статус в соответствии с общим законодательством³⁶. Положение отменило существовавшие формы государственной опеки над башкирами. Башкирские кантоны были полностью ликвидированы в 1865 г. Правительство устранило подчинение башкир военным властям и передало их под юрисдикцию министерства внутренних дел и гражданских губернаторов. Для башкир были созданы волости с соответствующим самоуправлением и выборными старшинами, по аналогии с крестьянскими волостями³⁷. Положения Великих реформ применялись одинаково и к башкирам, и к крестьянскому населению. После введения всеобщей воинской повинности в 1874 г. башкиры проходили воинскую службу наравне с другими крестьянами³⁸. В 1875 г., после учреждения земского самоуправления в Уфимской губернии, башкиры приняли участие в выборах земских гласных, а их представители вошли в состав земств. Два представителя башкирского населения даже занимали пост председателя земской управы в одном из уездов. Логика реформ требовала, чтобы все способные к службе на благо царя и империи несли эту службу. И башкиры не являлись исключением. Они пользовались правом полного участия в новых институтах, которые были предназначены для обучения населения гражданской жизни исходя из миссии и целей существования имперского государства.

В то время как башкирам было предоставлено право на участие в реформированных общественных институтах, башкирская элита влилась в состав элиты имперской. Представители башкирской знати, имевшие *крепостные акты*, получили «все права и привилегии, которыми пользовалось российское дворянство»³⁹. Кроме того, большинство старшин кантонов, осуществлявших управление башкирами, получило дворянский статус. В 1884 г. земли башкир, обладавших этим статусом, но не имевших крепостных актов (а таковых дворян насчитыва-

---

³⁵ Положение о башкирах. С. 3.

³⁶ Давлетбаев Б. С. Крестьянская реформа 1861 года в Башкирии. М., 1983. С. 109-110; Положение о башкирах. Уфа, 1912. С. 3-13.

³⁷ В августе 1863 г. в соответствии с «Положением о башкирах», 808 деревень и 130 волостей вошли в состав башкирских земель. Отказ от кантонной системы и образование волостей стали источником беспокойства у башкир. Старшины кантонов опасались потери власти и авторитета, а сами башкиры полагали, что изменение их статуса приведет к потере земли, их закрепощению или христианизации. Однако в конечном итоге большинство старшин кантонов сохранили значительное влияние, будучи избранными волостными старостами. См.: Давлетбаев Б. С. Указ. соч. С. 109-110; Положение о башкирах. С. 3-13; 110-111.

³⁸ Исключением было небольшое нерегулярное военное формирование, состоявшее из башкир Оренбургской губернии. В соответствии с Указом от 6 июля 1874 г., башкиры Оренбургской губернии, «ведущие традиционный образ жизни», получили возможность влиться в состав нерегулярной кавалерийской части вместо отбывания воинской повинности. Для этих целей каждый год рекрутировалось двести пятьдесят человек. Нерегулярные формирования были распущены в 1882 г. См.: Bauman R. F. Subject Nationalities in the Military Service of Imperial Russia: The Case of the Bashkirs // Slavic Review. 1987. Vol. 46. No. 3/4. Pp. 497, 499, 501.

³⁹ Положение о башкирах. С. 3.

лось 1982), были отделены от башкирских племенных земель, имевших других владельцев⁴⁰. Закон наделил некоторых башкир большими полномочиями, но также создал и правовой барьер между элитой и непривилегированными башкирами. Согласно свидетельству, оставленному в 1898 г. Мухаметсалимом Уметбаевым, хорошо образованным человеком, управляющим и переводчиком, ему приходилось возражать тем, кто утверждал, что он не должен обременять себя решением проблем, связанных с трудовой повинностью башкир (натуральными налогами), так как он сам не относится к этой категории⁴¹. По мнению одного из исследователей, с упразднением кантонов государственные русскоязычные чиновники получили возможность оказывать прямое воздействие на башкир, в то время как при кантонной системе управления башкирские старшины выступали посредниками в отношениях с русскими властями⁴².

Тем не менее, трансформация статуса башкир после принятия Положения 1863 г. не была полной и окончательной. Он по-прежнему отражал условия, при которых башкиры были изначально включены в империю. С точки зрения российской администрации, башкир отличал не столько их язык или уклад жизни, сколько факт владения земельной собственностью. Могли измениться административные порядки, но отношение к земле у башкир оставалось прежним. Сельские общины сохранили значительные права на землю, что отличало их от других крестьян. Башкирские деревни могли продавать или отдавать под залог свою собственность.

Несмотря на то, что государственный закон определял порядок раздела земли в сельских общинах в масштабах империи, в башкирских поселениях деревенский сход сохранил широкие полномочия по распределению земли в пределах этих поселений⁴³. Земля оставалась в общинной собственности, однако это не исключало возможности передачи части наделов в частную собственность отдельным башкирам. Кроме того, порядок распределения и наследования частной собственности у башкир определялся мусульманскими имамами и традиционным, а не государственным правом. Таким образом, в правовом отношении статус башкир отличался от статуса других крестьян, с которыми они работали в земствах или служили в армии. Башкиры сохранили как право собственности на землю, так и большой контроль за ее распределением в рамках общины. Такая политика содействовала поддержанию групповой идентичности башкир и укрепляла их связи с сельскими общинами.

Башкиры (почти) сами по себе: обнищание и необходимость культурных трансформаций

Вскоре после провозглашения Положения последнее проявление государственной опеки над башкирами было устранено: утратило силу требование государственного утверждения актов продаж башкирских общинных земель. В 1865 г. в Оренбург был назначен новый генерал-губернатор, Николай Крыжановский. По его мнению, запрет на продажу земель башкирами противоречил факту признания их полноправными собственниками земли и потому подлежал отмене. В феврале 1869 г. его предложение обрело форму закона, регулирующего право

---

⁴⁰ Полное собрание законов Российской империи. Серия III. Т. 4. № 1947. С. 5. Статистические данные о численности дворянства представлены в: *Лященко П. И.* Указ. соч. С. 169.

⁴¹ *Уметбаев М.* Ядкар. Уфа, 1984. С. 99.

⁴² *Ишкуллов Ф. А.* Судебно-административная реформа в Башкортостане. Уфа, 1994. С. 68.

⁴³ Записка по вопросу о пересмотре действующих в отношении башкир узаконений. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1197. Л. 361.

собственности башкир на землю⁴⁴. Помимо разрешения на продажу земли, закон также требовал более четкой демаркации башкирских земель, которые в большинстве своем никогда не описывались. Более того, башкиры сдавали часть земель т. н. *припущенникам*, небашкирам, однако ни правовые рамки, ни количественные пределы для подобных форм аренды не были четко установлены. Закон 1869 г. требовал проведения описи и межевания башкирских земельных владений, а также выделения их из состава земель, находившихся в аренде у припущенников. Арендовавшие же башкирские земли припущенники получили пятнадцать десятин на семью⁴⁵. Земли припущенников, которые превышали этот лимит, должны были быть отписаны в резерв для малоземельных семей.

Доказывая, что башкирам необходимо предоставить возможность свободной продажи земли, Крыжановский в какой-то мере следовал логике основных пунктов Положения: если башкиры считались достойными владеть землей и участвовать в общественной жизни, почему же они тогда не могли пользоваться правами землевладения в полной мере? Пытаясь устранить ограничения башкирского землевладения, Крыжановский действовал в соответствии с экономической логикой Великих реформ. Начиная с правления Екатерины II, российское государство стремилось привязать людей к земле наиболее продуктивным способом. Усилия в этом направлении активизировались в эпоху реформ 1860-х гг., поскольку государство искало пути максимизации собственной «эффективности и ресурсов»⁴⁶. В качестве аргумента в пользу создания правовой основы для продажи башкирских земель Крыжановский приводил тот факт, что степные башкирские земли малонаселенны и непроизводительны, а минеральные ресурсы этих земель на Урале лежат нетронутыми, так как у самих башкир нет возможностей для их освоения. Интенсификация продажи башкирских земель сделает их доступными для поселенцев из более развитых в сельскохозяйственном отношении центральных и западных частей империи. Поселенцы из этих регионов будут производить больше сельскохозяйственной продукции и таким образом ускорят одновременно и экономическое развитие, и процесс разложения кочевого образа жизни башкир⁴⁷. Крыжановский считал, что приток мигрантов и привнесение новых сельскохозяйственных методик пойдут на пользу экономике региона.

Однако возможность продажи башкирских земель в сочетании с усилиями правительства по их межеванию привели к разорительным последствиям для башкирского населения. Возможно, оно было достаточно развитым для участия в общественной жизни, но противостоять соответствующим образом наплыву российских поселенцев, действию рыночных сил и влиянию административной коррупции оно не могло.

Посредством манипуляций, давления и ухищрений местные чиновники и представители знати, как русской православной, так и мусульманской, а также другие лица занимались тем, что крали или покупали башкирские земли по смехотворно низким ценам. В период между 1868 и 1878 гг. башкиры потеряли более миллиона десятин земли. Захват башкирских земель стал своего рода благородной целью у российских народников. В результате последовавшей сенатор-

---

⁴⁴ Шрамченко П. Земельный вопрос в Уфимской губернии // Русский вестник. 1882. Март. № 158. С. 465-466.

⁴⁵ Одна десятина равнялась 2,7 акрам земли: ПСЗРИ. Серия II. Т. 44. № 46,750 (10 февраля 1869 г.).

⁴⁶ Freeze G. Op. cit. P. 26.

⁴⁷ Записка по вопросу о пересмотре действующих в отношении башкир узаконений. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1197. Л. 151.

ской инспекции министр внутренних дел, а также оренбургский генерал-губернатор потеряли свои посты, а институт генерал-губернаторства в этом регионе был упразднен. Описанная выше политика повлекла быструю передачу башкирских земель другим лицам, вырубку принадлежавших башкирам лесов и фактическое обеднение населения. Сокращение землевладения так же отрицательно сказалось на возможностях ведения башкирами полукочевого образа жизни, характерного для племен юга и востока Башкирии. Сложности перехода к оседлому сельскому хозяйству способствовали тому, что башкирам было выгоднее сдавать свои земли в аренду по очень низким ценам многочисленным русским и другим поселенцам, прибывавшим в край в последние десятилетия XIX в.

К 1890 г. экономическое положение башкир заметно ухудшилось. Сообщения о бедности башкир стали часто появляться в центральной и региональной прессе. Местные чиновники уже не могли не обращать внимания на это явление. По их мнению, обеднение населения, связанное с сокращением землевладения, делало необходимым изменения в статусе башкир. Однако изменения в правовом статусе были только первым этапом в реализации плана, предусматривавшего более масштабные культурные и социальные трансформации. Дебаты о путях улучшения положения башкир отражали новое восприятие их как национальной (этнической) группы. Летом 1898 г., накануне новой описи башкирских земель, губернатор Уфы обратился с письмами к нескольким влиятельным лицам, имевшим представление о ситуации, спрашивая у них совета о том, как улучшить жизнь башкир. В представлении губернатора башкирские вотчинники, т.е. те, кто обладал правом собственности на землю, являлись народностью⁴⁸. В письме к М. И. Уметбаеву, башкиру по происхождению, переводчику при Оренбургском магометанском духовном собрании, губернатор Уфы приводил «очень грустное заключение» относительно сложившейся ситуации: «коренное население губернии, башкиры-вотчинники, при обширной территории владеемых ими земель, находятся в крайне плохом экономическом положении, значительно худшем в сравнении с благосостоянием остальных пришлых народностей и, несомненно, требующем особых административных забот».

Согласно мнению губернатора, ситуация дошла до того, что среди «коренного населения края проявляются признаки вымирания, наблюдается даже в некоторых местах уменьшение населения против числа душ X ревизии»⁴⁹.

Запрос мнения Уметбаева по башкирской ситуации, сделанный губернатором, заслуживает особого внимания в связи с тем, что последний определяет башкирских землевладельцев как коренной народ региона, чьи претензии на землю привязали их к этой земле и объединили их как народность. Проявленная губернатором озабоченность в связи с вымиранием башкирской народности и необходимостью особого вмешательства со стороны государства для ее сохранения, отражала официальный взгляд на башкир как на нечто большее, чем просто группу, обладающую особым правовым статусом⁵⁰.

В 1898 г. и в последующие годы среди государственных чиновников и интеллигенции развернулась дискуссия о судьбе башкир и о мерах по предотвраще-

---

⁴⁸ О концепциях нации, национальности и народа см.: *Steinwedel Ch. To Make a Difference*.

⁴⁹ Научный архив Уфимского научного центра РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 103.

⁵⁰ Развернутый ответ Уметбаева был сфокусирован на необходимости восстановления системы государственной «опеки» над башкирами, характерной для кантонной системы управления, существовавшей до 1865 г. Отец Уметбаева был главой башкирского кантона. М. И. Уметбаев также поддерживал развитие земских школ, необходимых для обучения башкир практическим навыкам и поддержания экономического благополучия. Там же. Л. 105-115.

нию их «вымирания», также отражавшая отмеченные выше изменения в восприятии этой группы населения. До 1865 г. статус башкир определялся правом собственности на землю и их службой царю в виде несения воинской повинности. В 1865 г. башкиры были признаны достаточно развитыми для того, чтобы иметь свое представительство в институтах общественного управления, созданных Великими реформами. К 1902 г., когда рассмотрение башкирского вопроса достигло уровня Государственного Совета, взгляды должностных лиц на башкир разделились. Чиновники утверждали, что «отсталость и полная некультурность башкирского племени» требовали новых подходов к управлению ими. Чиновники четко определяли причину «лености и беспечности» башкир, а также других восточных инородцев. По их мнению, во всем был виноват ислам. Благодаря изменениям в законодательстве 1886 г. количество мечетей и служителей культа в Башкирии быстро возрастало. Как считали представители государственной администрации, реализация двух пунктов реформистской программы смогла бы поднять интеллектуальный и моральный уровень развития башкир. Во-первых, их особый правовой статус следовало отменить, а на них самих распространить общие законы о крестьянстве. Эти изменения предоставили бы российским чиновникам больше возможностей при распределении башкирских земель (в границах деревень) и продаже земли посторонним, а также могли способствовать исключению имамов из процесса принятия решений о распоряжении наследством и содействовать притоку представителей иных национальностей в башкирские деревни⁵¹. Во-вторых, продажа башкирских земель должна была стать источником финансирования общих и специализированных школ, которые, по убеждению чиновников, призваны стимулировать интеллектуальное развитие башкир и помочь в приобретении ими практических навыков, необходимых для того, чтобы материально поддерживать свое существование. Внесение этих предложений было сопряжено с появлением новых лексических единиц в словарном аппарате, определяющем башкир. Чиновники рассматривали их как народность и коренных жителей (аборигенов), в дополнение к таким более традиционным терминам, как «народ» и «племя». Новая политика ассимиляции сопровождалась концептуальным сдвигом в восприятии башкир как национальности. Согласно мнению чиновников, было необходимо не просто сделать башкир оседлыми, но трансформировать их культуру посредством образования. Власти также пытались привнести изменения в башкирские деревни, чтобы в них стало легче поселять небашкир. Важной частью государственной стратегии стало изменение национального состава сельской местности.

В ноябре 1904 г. Государственный Совет отклонил эти предложения. Сенаторам казалось «нецелесообразным распространять на башкир действие законодательных актов по крестьянству, которые в любом случае подлежали реформированию в ближайшем будущем». Но негативное решение Сената в немой степени было обусловлено признанием сословной обособленности башкир и опасениями, что реформаторские усилия могут привести к беспорядкам в то время, когда война с Японией требовала сосредоточения всех сил на борьбе с внешним врагом.

Приравнение башкир к крестьянам вызывало «резкое нарушение прочно сложившихся в башкирском быту порядков», что «могло повлечь за собой недовольство в темной инородческой среде»⁵². Хотя царские чиновники сумели не только выявить изъяны в правовом статусе башкир, но и обосновать необходи-

---

⁵¹ Записка по вопросу о пересмотре действующих в отношении башкир узаконений (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1197. Лл. 341-341об, 441-481).

⁵² *Лященко П. И.* Указ. соч. С. 179.

мость реформ, данное время было явно неподходящим для потенциально дестабилизирующих изменений в национальной политике. А подходящее время так и не пришло. Башкиры сохранили свой особый статус до 1917 г.

Несмотря на то, что губернатор Уфы, казалось, был заинтересован в сохранении башкирской национальности, для большинства государственных чиновников, причастных к предлагаемым проектам реформ, это не являлось основным мотивирующим фактором. Предложения относительно политики в этой области, представленные на рассмотрение Государственному Совету, были нацелены на усиление государственного контроля над башкирами и облегчение притока представителей иных национальностей в башкирские поселения. Тем не менее, подавление башкирской идентичности не являлось приоритетной задачей подобных проектов. В начале XX века государственная бюрократия боялась возрастания религиозной идентификации гораздо больше, чем возможного проявления национализма среди башкир. Религиозные связи, в сравнении с национальными, рассматривались как более крепкие⁵³. Религия связывала башкир с более широким мусульманским сообществом, которое, по мнению чиновников, было способно бросить вызов русскому православию. Таким образом, царские власти стремились использовать национальность в качестве противовеса религиозному влиянию. После выхода Манифеста 17 апреля 1905 г., провозглашавшего веротерпимость, роль ислама возросла, как и количество его приверженцев, духовенства и открывшихся мечетей. Для согласования имперских законов с новым законодательством была созвана специальная Конференция по вопросам мусульманской веры. Она рассмотрела возможности реформирования главного элемента в структуре исламского религиозного управления, Оренбургской магометанского духовного собрания, чтобы сделать ее более отвечающей нуждам людей. Общий тон дискуссий склонялся в пользу идеи разделения Духовного собрания. Один из чиновников, Владимир Череванский, заявил на конференции, что концентрация полномочий по вопросам мусульманской веры, бракосочетания, семьи и закона о наследовании в руках ОМДА привела бы к созданию в Европейской России и Сибири такого «мусульманского Рима», объединяющего мусульман всей империи, ущемленных в своих «экономических и моральных правах». Для того чтобы предотвратить подобную концентрацию, чиновники предложили разделить ОМДА в соответствии с территориальным принципом и институционально выделить народности, имеющие свою собственную историю⁵⁴. Другой эксперт, к которому Конференция обращалась за консультацией, А. С. Будлович, солидаризовался с предложением Череванского относительно принципов географических и этнических разграничений⁵⁵.

---

⁵³ В конце XIX века туркестанский генерал-губернатор Кауфман рассматривал этничность как противовес мусульманской вере; однако в отличие от имперских чиновников начала следующего столетия он видел в исламе меньшую угрозу. О Кауфмане в Туркестане см.: *Brower D. R. Islam and Ethnicity*. Pp. 120-122.

⁵⁴ Управление мусульманами в империи осуществлялось тремя религиозными администрациями: полномочия одной покрывали Кавказ, другой – западные провинции (отделенные от Крымского муфтията), и еще одной – территорию ОМДА. Последняя была разделена на три части – одна из них представлена в Петербурге, одна - в Уфе, и последняя – в Сибири. Череванский впоследствии разделит ОМДА на семь районных администраций: Петербургскую (находящуюся в Санкт-Петербурге), Крымскую (в Симферополе), Кавказскую (в Тифлисе), Сибирскую (Троицк или Петропавловск), Оренбургскую (Оренбург), Киргизско-Казахскую Степную (Акмолинск, Атбасар и Иргиз) и Башкирскую (Уфа). См.: *Рыбаков С. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России*. СПб., 1917. С. 38-39.

⁵⁵ Там же. С. 39-40.

Реформы 1860-х гг. уменьшили значение особого статуса башкир, превратив менее благополучных из них в крестьян и предоставив башкирской элите большие возможности для получения дворянского статуса. Потеря земельных наделов и изменение условий прохождения военной службы нивелировали эти особенности еще больше. В то время как полномочия и привилегии башкир как сословия значительно сократились, все чаще возникал вопрос о башкирах как народности (национальности), определяемой наличием земельных владений. Чиновники обосновывали вмешательство государства в дела башкир, исходя из их национальности и ее культурных характеристик, а не из их сословного статуса. В частности, губернатор Уфы полагал, что башкирская национальность в целом заслуживает сохранения. Другие представители бюрократии считали, что отделение башкир от других мусульман ослабит влияние ислама в империи. В любом случае, башкиры воспринимались именно как национальность.

Башкиры в последние годы царизма

После 1905 г. на башкирское сообщество влияли противоречивые тенденции, ведущие как к ассимиляции, так и к сохранению национальной специфики. С одной стороны, процессы, протекавшие во второй половине прошедшего века, препятствовали развитию внутригрупповой сплоченности. В частности, потеря земель и переход от статуса воинского сословия к практике военной службы снизили в глазах других крестьян привлекательность ассимиляционной интеграции в башкирское сословие. Столыпинские реформы, начавшиеся в 1906 г., способствовали распространению землевладения среди всех крестьян, а Крестьянский земельный банк покупал земли и перепродавал их поселенцам, сводя таким образом на нет особенности статуса башкир. Упразднение кантонной системы управления и последующий роспуск башкирских частей в 1870 г. лишили башкирскую идентичность еще одной основы. Государство также взяло под контроль сам процесс приобретения статуса башкира, что еще больше затрудняло ассимиляцию. После 1905 г. государственные законы впервые формально ограничили круг лиц, которые могли считаться собственно башкирскими вотчинниками, членами семей вотчинников, а также зятьями и шуринами, принятыми в эти семьи⁵⁶. Это только усилило восприятие башкир как группы, выделенной по признаку владения землей.

Когда статус башкира лишился конкретных преимуществ, а государство приняло меры по ограничению числа лиц, которые могли быть признаны башкирскими вотчинниками, те, кто были зарегистрированы как башкиры, но обладали другими культурными и этническими особенностями, стали идентифицировать себя с представителями других национальностей. В связи с недостаточной последовательностью процесса сбора данных в ходе различных переписей, точные цифры, свидетельствующие о национальных идентичностях населения Башкирии, представить невозможно. Тем не менее, анализ, проведенный политологом Дм. Горенбургом, демонстрирует тенденцию к снижению уровня башкирской самоидентификации. В период между 1897 и 1920 гг. доля башкир на территории современного Башкортостана снизилось на 10,7% – с 40,9% до 30,2%. В то же время количество мишарей и тептярей, которых часто называют новыми башкирами, появившимися после 1865 г., увеличилось. Количество мишарей возросло с одного до шести процентов от общего числа населения, количество

---

⁵⁶ Положение о башкирах. С. 107-108.

тептярей – с 1,8 до 5,3 %, татар – с 8,4 до 9,7 %⁵⁷. В основном все эти изменения происходили в северо-восточной части Башкирии, где указанные этнические группы обладали сходными культурными и языковыми характеристиками. Таким образом, на исходе столетия значительное количество людей, являвшихся башкирами, предпочитало при имевшейся возможности идентифицировать себя с татарами, тептярями или мишарями.

В первые десятилетия XX века юридические и экономические изменения, лишившие статус башкир как его отличительных особенностей, так и преимуществ, связанных с владением землей, создали предпосылки для утверждения башкирской национальной общности. Приблизительно в то же время, когда государственные чиновники начали говорить о башкирах как о национальной или культурной группе, а не о сословии, башкиры решились использовать более широкую общественную арену, открывшуюся после 1905 г., для заявления своих коллективных прав. Основой их требований была земля. После описи 1869 г. земли башкирских вотчинников отделили от земель припущенников, заселявших или арендовавших землю у башкир еще со времени начала колонизации. Как уже отмечалось, значительное количество земельных наделов было изъято у башкир в пользу припущенников и/или передано лицам, имевшим связи с местной администрацией. Следующая атака на башкирское землевладение началась в 1898 г. Опись земель, начавшаяся в 1869 г., к тому времени уже была завершена, но ее результаты так и не смогли внести ясность в ситуацию, связанную с землевладением в Башкирии. Одной из главных целей проведения описи являлось разграничение между башкирскими племенными земельными наделами и землями припущенников. Было описано (размежевано) только 8 % земель, находящихся во владении башкирских вотчинников⁵⁸. Границы между башкирскими деревнями оставались нечеткими, а наплыв в регион иммигрантов еще сильнее запутал вопрос. В 1898 г. государство приступило к реализации нового проекта описи и межевания земель, очевидно, для того, чтобы защитить права башкир на землю и, в частности, упростить отношения между башкирами и теми пришлыми мигрантами, которые арендовали у них земельные наделы⁵⁹. В результате, однако, принятые законодательные акты оказались в пользу мигрантов и требовали от башкир или продавать им землю по низким ценам, или компенсировать инвестиции, вложенные крестьянами-мигрантами в культивацию земли⁶⁰. Ущемление права на владение земельной собственностью вынудило башкир мобилизоваться для совместного отстаивания собственных интересов⁶¹.

---

⁵⁷ См. его работу в настоящем сборнике. Поскольку при сборе информации об этнической принадлежности в поздний имперский и ранний советский периоды применялись разные методы, подобные данные должны использоваться с большой осторожностью, чтобы не допустить приложения современных этнических категорий к более ранним периодам.

⁵⁸ Лященко П. И. Указ. соч. С. 170

⁵⁹ Положение о размежевании башкирских дач. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета // Полное собрание законов Российской империи. Серия III. Т. IV. № 1947. С. 5; текст Положения воспроизведен в: Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. Уфа, 1999. С. 493-498.

⁶⁰ Лященко П. И. Указ. соч. С. 172-179

⁶¹ Государственная поддержка пришлых мигрантов после 1898 г., а также потеря земли в 1870 г., во время правления Крыжановского, стали ключевыми моментами, зафиксированными в коллективной памяти башкир. Стоит обратить внимание на тот факт, что на башкирской ассамблее 1917 г. было заявлено, что те, кто иммигрировал в Башкирию после 1898 г., подлежат выселению с территории края. См.: *Schafer D. E. Building Nations and Building States: The Tatar-Bashkir Question in Revolutionary Russia, 1917–1920 / Ph. D. Dissertation; University of Michigan, 1995. Pp. 115-148.*

Разумеется, башкирские земли конфисковались правительством и раньше, и это, конечно, вызывало недовольство. Однако в начале XX в. общественные институты и форумы открыли двери новым способам выражения протеста. Создание Государственной Думы, выборного представительного института, явилось одной из таких возможностей. Немногие башкиры попали в Думу, а теми, кто попал, были в основном или дворяне, или мусульманские духовные лица, для которых земельный вопрос не являлся приоритетным. Тем не менее, три выступления в Думе первого и второго созывов, сделанные представителями Уфы и Оренбурга, наметили контуры будущей башкирской коллективной идентичности, сохранившей свое значение и после 1917 г. На заседании I Думы представитель Уфимской губернии Шахайдар Сыртланов говорил о 400-летней истории признания башкирами российского суверенитета, подчеркивая, что башкиры – это «не завоеванный народ». Особо он упомянул грамоту Ивана IV, даровавшую башкирам их земли. Сыртланов также говорил об участии башкир в войнах России, а также об их службе царю в качестве членов кантонов. Шахбал Сейфитдинов отмечал, что башкиры были лояльными подданными царя в течение долгого времени и одобрительно отзывался о кантонной системе управления, при которой сами башкиры возглавляли кантоны и защищали свои интересы⁶². Используя трибуну в I и II Думах, представители Уфы и Оренбурга обращались к истории конфискации башкирских земель в 1860-х гг., выдвигая требование об их возврате⁶³.

Во II Думе представители Уфы и Оренбурга углублялись в подробности земельного вопроса, описывая потери, понесенные башкирами, и ограничения, наложенные на право владения землей. Так, один из депутатов, Хасанов, заявлял, что если, с точки зрения столыпинского правительства, «частная собственность действительно неприкосновенна, то башкирские земли точно так же должны быть неприкосновенны»⁶⁴. Основные пункты этих выступлений сводились к тому, что башкиры являются коренным народом региона с признанным правом на землю; их решение о вступлении в состав российского государства было добровольным и может иметь обратную силу по воле башкирского народа; для отстаивания своих интересов башкиры должны управляться башкирами; на военной службе башкиры демонстрировали стремление к выполнению своих обязанностей. Эти представления и заложили впоследствии основу национальной идентичности башкир. Таким образом, ключевые элементы башкирской национальной идеологии были сформированы в контексте имперских институтов и

---

⁶² Ямаева Л. А. Мусульманские депутаты Государственной Думы России, 1906-1917 гг.: сб. док. и материалов. Уфа, 1998. С. 87. Сейфитдинов, башкир со статусом «почетный гражданин», был избран во II Думу от Троицкого уезда Оренбургской губернии.

⁶³ Там же. С. 20-23; 302-303. Сыртланов был башкирским дворянином, получивший образование в Неплюевской военной школе в Оренбурге. Он служил в Туркестане, а потом вернулся в Уфу и принял активное участие в работе земства и Государственной Думы. Он владел 2.200 десятинами земли. Сыртланов преувеличивал, когда говорил о времени, в течение которого башкиры являлись лояльными подданными царя. Более точная цифра соответствует 350 годам, а не 400.

⁶⁴ Там же. С. 76-78. Депутатом, выступающим за неприкосновенность собственности, был Калимулла Хасанов, родом из татарской деревни Казанской губернии. Он получил образование в татарской учительской школе в Казани и преподавал в русско-башкирской школе в Уфимской губернии. Как представитель этой деревни он и был избран во II Думу. Сейфитдинов также неоднократно высказывался по земельному вопросу, в том числе и по поводу требований башкир о справедливом распределении земли. См.: Там же. С. 86-91.

политики и именно через них нашли свое выражение⁶⁵. Неудивительно, что и башкирский курултай, и национальные ассамблеи в 1917 г. приняли решение присвоить местным административным единицам автономной Башкирии название «кантоны» (то самое, которое использовалось с 1798 по 1865 гг.), а также признали основными пунктами своей программы контроль за распределением земли и прекращение российской колонизации⁶⁶.

Выводы

В своем кратком анализе довольно длительного исторического периода я очертил несколько траекторий влияния имперской России на развитие башкир как национальности. Возможно, дореволюционный период (до 1917 г.) и не характеризовался таким же четким видением формы объединения территориальных национальностей, которое позже было характерно для политики Ленина и Сталина. Тем не менее, в рассмотренном нами случае именно имперская политика сделала реальным появление башкирской национальности. Вплоть до конца XVIII в. основным приоритетом царского государства было обеспечение лояльности и поддержки со стороны башкир. Для этого государство распространило на них право на наследование земли. Кодификация этого права помогла зафиксировать племенную социальную организацию башкир и способствовала развитию небольших родовых образований. Когда в 1790-х гг. приоритеты государства сместились в сторону укрепления оседлости кочевых башкир и защиты степных границ, была введена кантонная система управления. В результате сформировалась новая башкирская элита, которая выступала в качестве посредника между государством и башкирами. Кантонная система управления разрушила башкирские племенные связи и усилила идентификацию башкир с военной службой. Сочетание прав на землевладение с несением военной службы вместо уплаты налогов стимулировало развитие башкирских племен; другие инородцы стремились ассимилироваться в эти сообщества и получить доступ к привилегиям, которыми обладали башкиры.

Когда в 1860-х гг. основным императивом стало стремление вовлечь как можно больше царских подданных в общественную жизнь империи, государственная политика покончила с изоляцией башкир, приравняв простых башкир к крестьянам, а башкирскую элиту – к дворянству. Однако власти продолжали признавать при этом их право на владение землей. Усилия, направленные на то, чтобы приучить их к оседлости и создать в пореформенную эпоху национально смешанное население Башкирии, катастрофическим образом отразились на башкирском образе жизни. В начале XX в. статус башкира уже не являлся столь привлекательным. Потеря башкирами земли и их обеднение вынудило имперскую администрацию относиться к башкирам как к этнической или культурной группе, чье выживание требовало вмешательства извне, а возможно даже, по мнению некоторых царских администраторов, – и ассимиляции. Сохранение

---

⁶⁵ Работа Дэниэла Шефера, посвященная Башкирии во время революции и гражданской войны 1917-1921 гг., раскрывает влияние имперского наследия в развитии региона. Он пишет о башкирском «кочевом прошлом, истории сопротивления российским властям, общественных правах на землю, полуавтономной системе кантонов» как об основных элементах отличия башкир от татар. За исключением башкирского сопротивления имперским властям, ставшего более значимым в годы советской власти, все эти элементы сложились к 1917 г. См.: *Schafer D. Local Politics and the Birth of the Republic of Bashkortostan, 1919-1920.*

⁶⁶ Относительно решений курултая см.: *Schafer D. Building Nations and Building States. Pp. 115-148.*

особенностей башкирской культуры всячески поощрялось и поддерживалось, так как в понимании имперских чиновников ислам представлял большую угрозу, чем башкирский национализм. Революция 1905 г., породившая новую политическую систему, предоставила башкирским лидерам возможность апеллировать к понятиям частной собственности и имперской лояльности и говорить от имени башкирского народа. Имперская система принимала и в некоторой степени абсорбировала национальность, оставляя пространство для ее самовыражения в виде нации. Для артикуляции собственной идентичности башкиры ссылались на исторические отношения с имперским государством. После падения царской империи эта тенденция стала еще более заметной.

История башкир, проживавших в российской империи, не была прямолинейным движением в сторону формирования национальности. Скорее, государственная политика предоставила целый ряд возможных культурных моделей, на основе которых могла быть построена башкирская идентичность: от племенного статуса, зафиксированного на основании земельных грамот, сословного статуса или военной службы, до статуса культурного сообщества с особенными характеристиками. Как показывает деятельность башкирских политических и культурных лидеров конца XIX - начала XX века, эти модели могли использоваться как для формирования национальной идентичности, так и для создания возможной альтернативы ей. Деятельность башкирских элит в контексте признания царским режимом значения этнической национальности к 1917 г. превратила национальность в основу политической идентичности башкир. Представленная и озвученная в Думе версия башкирских национальных интересов воспринималась как легитимная до 1917 г. и заложила основания территориальной автономии в будущем. Большевицкое руководство, объявившее Башкирскую Советскую Республику первой в советской России республикой, имеющей подобный статус, исходило из целого ряда идеологических и практических соображений⁶⁷. Однако, учитывая привязанность башкир к их земле и традицию несения военной службы, столь поспешное признание башкирской автономии неудивительно.

Шейла Фицпатрик предположила, что существование «этнического/национального» сословия, каковым являлись башкиры, содержит в себе «интригующую возможность обнаружения отпечатка сословности на процессе конструирования национальной, а также социальной идентичности в сталинский период»⁶⁸. Впрочем, детальное изучение взаимосвязи между развитием ситуации в советский период и предпосылками, заложенными до 1917 г., выходит за пределы данной статьи. Тем не менее, история башкир дает основания полагать, что первоначально понятие «башкиры» не обозначало этническое/национальное сословие. Процесс вхождения в сословие был текучим и не исключал возможности ассимиляции инонациональных групп. Однако к концу XIX века категории национальности и сословия слились. История башкир свидетельствует о том, что политика имперского государства в целом и развитие сословной системы в частности, действительно наложили отпечаток на процессы формирования и артикуляции национальностей в советский период.

Перепечатывается с некоторыми уточнениями перевода из кн.: Новая имперская история постсоветского пространства / Под ред. И. В. Герасимова, С. В. Глебова, А. П. Каплуновского, М. Б. Могильнер, А. М. Семенова. Казань, 2004. С. 473-500.

⁶⁷ О создании республики см.: *Schafer D.* Birth of the Republic of Bashkortostan. Pp. 165-190 и его же: *Building Nations and Building States.*

⁶⁸ *Fitzpatrick Sh.* Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // *Journal of Modern History.* 1993. December. Vol. 65. P. 770.